

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 29 (2412)

Суббота, 10 апреля 1948 г.

Цена 40 коп.

Бор. ЛАВРЕНЕВ

Могучая сила

Четыре года назад, апрельской почтой, напоенной смолистым запахом хвои, мы возвращались в блиндаж командира дивизии с концерта, данного бригадой московских артистов на переднем крае. Шли вдвоем — я и ординарец полковника, старший сержант Пеленкин, человек средних лет, немного рябоватый, разбитной и чрезвычайно разговорчивый.

Но сейчас Пеленкин шагал молча, опустив голову, и даже в неверном лунном свете, фосфорно сочившемся сквозь ветки, можно было заметить на его лице сосредоточенную напряженность мысли.

Только что прослушанный нами концерт состоял на три четверти из драматических отрывков, а отрывки были преимущественно из пьес Островского. Разыгрывались сцены из «Грозы», «Бешеных денег», «Дохлого места» и «Бесприданницы». Исполнение было превосходное — в дивизию приехали большие актеры, и концерт прошел в благоговейной тишине, при восторженном внимании.

Мне захотелось спросить моего спутника, о чем он задумался, но прежде чем я успел задать вопрос, Пеленкин поспешно остановился и громко сказал:

— Глубокая вешанка, товарищ майор!

— Что? Вы о чем, Пеленкин? — спросил я в недоумении.

— Глубокая вешанка, говорю, товарищ майор... — снизив голос, продолжал Пеленкин. — Сидим мы с вами и слушаем товарищей актеров. И показывают они бойком как будто не нашу жизнь... Про дворня, или про купцов и чиновников, разное такое, забытое. Об этом, может быть, сейчас одни столетние старики помнят, а нам и невдомек. Одним словом, мы с вами на одной полочке, а эти, которых актеры разыгрывали, вовсе на другой. Как будто нам с вами и дела нет до их жизни. Отжили они свое и — прощайте, у

нас свои хлопоты, не до вас... А вот выходит совсем не так...

Вот, барышня терзается, что от бедности не может жизнь устроить, вещь ее считают. Нам с объективной точки вроде смешно, когда у нас любая девушка куда угодно дойдет, хоть в профессоры — была бы охота... А про приданое даже в деревне только самые отсталые еще поминуют. Казалось, нам с вами, товарищ майор, на это все, как на комедию и глядеть надобно. А вместо этого я слезу пролил, и сердце у меня сжалось за барышню. Задумался я, от какой притчи мне чужие чувства душу переворачивают... И думаю, что писатель Островский на глубокой вешанке работал.

— То-есть? — переспросил я Пеленкина.

— А вот как на поле, товарищ майор... Помню я, как папаша до коллективизации нлужком ковырялся, а нынче у нас на полях трактор землю до самого нутра выворачивает... Так, видно, и в сочинительском деле — один поверну слозит, только парашет, а кому настоящий талант достался, тот пластами берет, вглубь, до самой жизненной сердки. А раз жизнь лемехом поднял, так она век веков жить будет, никогда не захочет...

В дни, когда мол Родина чтит память великого своего художника слова и сердцева, припоминился мне этот почный разговор с сержантом Пеленкиным, который в недовольных, но подлинно взволнованных и правдивых словах определил основу могучей силы таланта Островского.

В драматургии Островского, за отдельными фигурами его героев, всегда стоят поднятые его гигантским дарованием общественные пласты современной ему России и русского общества.

Глубокой вешанкой подымает Островский со дня «темного царства» представителей различных общественных слоев и

прослосек и выворачивает их на солнечный свет во всей их неприглядной обнаженности. Самодуры, десоты, хапуги и взяточники, хищники, лишенные чести и моральных устоев, составляют в драматургии Островского одно огромное полотно, отражающее с необычайной и резкой полнотой сущность собственного мира.

Но Островский был и пламенным романтиком человеческого чувства, проникновенным и мягким лириком.

Достаточно напомнить три женских образа, оставленных нам как драгоценное наследие: Катерина, Лариса, Снегурочка.

По ясности, по душевной красоте и обаятельности эти героини Островского по праву занимают почетное место в мировом пантеоне женских литературных образов. Глубина понимания женской души и способности русской женщины на любые самопожертвование, на протест против семейного и социального гнета позволила Островскому наполнить образы своих героинь такой жизненной силой и правдой, что более чем через полвека после их создания они близки сердцу советского зрителя. Таково волшебство гения.

Я не знаю, где сейчас Василий Трифонович Пеленкин. Может быть, он сидит за рулем трактора, и в эти весенние дни, когда мы поминем народного драматурга, Василий Трифонович подымает глубокие пласты влажной земли. Может быть, бывший сержант Пеленкин не помнит уже ночного лесного разговора в апреле 1944 года. Но я этого разговора не забыл и думаю, что мысль, которую высказал тогда Пеленкин, трудно забыть. — о ней должны помнить и драматурги нашей советской эпохи.

Не парашет по поверхности, а брать пластами «вглубь, до самой жизненной сердки», должен вскип, кому достался от судьбы талант и кто чувствует свою ответственность перед народом.

Александр КРОН

Горячее сердце

Пьесы Островского — это неисчерпаемая сокровищница для философа, историка, лингвиста. Перечитывая их, каждый раз поражаешься глубине и смелости обобщений, жизненности изображений, мощи и выразительности языка. Но больше всего потрясен в Островском его гражданский пафос, сила убеждения, с которой он утверждает свои положительные идеалы и обличает общественные пороки, порожденные собственническим строем.

Островский великолепно знал гнетущую власть денежного мешка. В сфере имущественных отношений для него, подобно Балзаку, не было тайн. Но Островский стоял выше Балзака в своем анализе буржуазного порядка. С проникновенной силой рисует Островский власть денег, опустошающую человеческие души, подавляющую все лучшее, что есть в человеке. — любовь, талант, человеческую гордость. Великий драматург был сыном своего века. Прошли многие годы, прежде чем Горький вывел на сцену рабочего Левшина («Враги») и его устами сформулировал единственный выход: «Копейку надо уничтожить...» Но растеивающую власть «копейки» Островский видел ясно и был беспощаден в своем обличающем гневе.

Через все творения Островского красной нитью проходит тема борьбы человека за свое личное, национальное и гражданское достоинство. Людям с горячим сердцем, сумевшим не склонить голову перед всемогущей «копейкой», он отдает все свои симпатии. Островский всячески подчеркивал, что денежный мешок претендует на большее, чем физическое поражение народа. Он посягает на его честь. Он хочет не только выжимать соки, но и властвовать над душами, стремится не только обобрать, но и унижить. В «Бесприданнице» — одной из самых совершенных драм А. Н. Островского

— есть трагический персонаж, именуемый Робинзон. Второстепенный, с точки зрения сюжета, он занимает немаловажное место в осуществлении идейного замысла драматурга. Робинзон служит путем для богатых и тароватых купцов. Торговать своим человеческим достоинством стало для него своеобразной профессией. Но и этого, примирившегося со своей постыдной ролью человека заставляют вызвать волком претендующие на «культуру» и «европеизм» рыцари чистогана. В последнем акте пьесы ко всему привитый Робинзон не выдерживает. «О, варвары, о, разбойники!» — вопит он, грозя кулаком. И слыша вопль Робинзона, зритель предчувствует развязку: Лариса обречена. В мире чистогана нет места любви и нет пощады слабым.

Унизить, заставить ползать на брюхе жаждут Дикой, Ахов, Хлынов. Буржуазно-либеральная критика, рассматривая созданную Островским галерею самодуров, считала своим долгом подчеркивать их культурную отсталость, дикость, «невежество». В этом подчеркивании есть своя тенденциозность, природа которой нам ясна. В понятие «невежества» Островский вкладывал более широкий обобщающий смысл. Купцы и Вожаковаты — люди, пользующиеся всеми благами цивилизации. Они читают газеты, а при случае могли бы их извлекать. Они ездят в Париж на выставки и знают толк во всем, что составляет комфорт. Если бы в те времена существовали рефрижераторы, пылесосы и электрические бритвы, можно не сомневаться, что Купровы ими бы пользовались. И, однако, все это не мешает Купровым оставаться такими же варварами, как Аховы и Хлыновы, может быть, даже более бесчеловечными в своем высокомерии полуднаек.

Островский знал духовное богатство своего народа, свято верил в его нравственные

силы. Бунт Параша из «Горячего сердца», непопулярность Агнии, с позором изгоняющей толстосума Ахова («Не все коту масленица»), изображены драматургом с поэтическим жаром и глубоким сочувствием. Островский знал, как трудна борьба с силами зла, как неравны силы борцов-одиночек в схватке со сложившимися, устоявшимися формами быта. Он не кривил душой и не выдумывал «счастливых концов». Вряд ли можно назвать «счастливым концом» финал «Последней жертвы». Эта «комедия в 5 действиях» — одно из самых ярких по драматизму произведений русского классического репертуара. Трагична судьба актрисы Негини в другой комедии Островского «Таланты и поклонники». Но даже в тех пьесах, где Островский приводит своих героев к благополучной развязке («Не все коту масленица», «Правда — хорошо, а счастье лучше»), он всегда дает понять, что «счастливый конец» пьесы скорее частный случай, чем закономерность, и что зрителю не следует питать иллюзий иллюзий насчет законов, существующих в мире, где властвуют деньги. Реализму Островского чужда живая идеализация собственного человеческого уклада. И особенной яркости он достигает в постановке нравственных проблем, многие из которых продолжают нас волновать и сегодня.

Современному советскому человеку, освобожденному от арха капитализма, в высочайшей степени присуще то гордое чувство собственного достоинства, за которое ратуют в своих произведениях великий писатель. Нашим людям ненавистна вопиющая «копейка», которая в иных странах зовется долларом, — это дела не меняет. Развивать в советских людях патристическую гордость и ненависть к власти денежного мешка — прямая задача советских драматургов. Выполняя ее, они являются достойными наследниками Островского.

Выставка, посвященная А. Н. Островскому

В ознаменование 125-летия со дня рождения А. Н. Островского Государственный центральный театральный музей им. Бахрушина устраивает выставку, посвященную жизни и творчеству писателя.

Построенная на обширном документальном материале, выставка должна дать наглядное представление о борьбе Островского за русский национальный театр. Экспонаты подчеркивают значение его пьес в истории формирования реализма на сцене, доказывают Островского, как любимого народного драматурга, завоевавшего огромную популярность на сценах театров Советского Союза.

В первом, библиографическом разделе выставки представлены многочисленные фотографии и портреты писателя, сделанные в различные моменты его жизни, а также фотографии и портреты членов его семьи и его друзей. Многие из этих фотографий экспонируются впервые. Интересен портрет маслом, писанный с натуры знаменитым актером Малого театра — Михаилом Прованом Садовским. В этом же разделе даны фотографии и зарисовки зданий и мест, связанных с жизнью и деятельностью писателя.

В Ленинграде (Наш корр.). 13 апреля в Научно-исследовательском институте театра и музыки в Ленинграде откроется сессия, посвященная 125-летию со дня рождения А. Н. Островского. На сессии будут заслушаны доклады о мировом значении творчества Островского, о поста-

новках его пьес на революционной сцене и на сцене советских театров, об образе положительного героя в драматургии Островского, о роли фольклора в его творчестве и другие.

В работах сессии, которая продлится пять дней, примут участие московские и ленинградские литературоведы, театральные деятели.

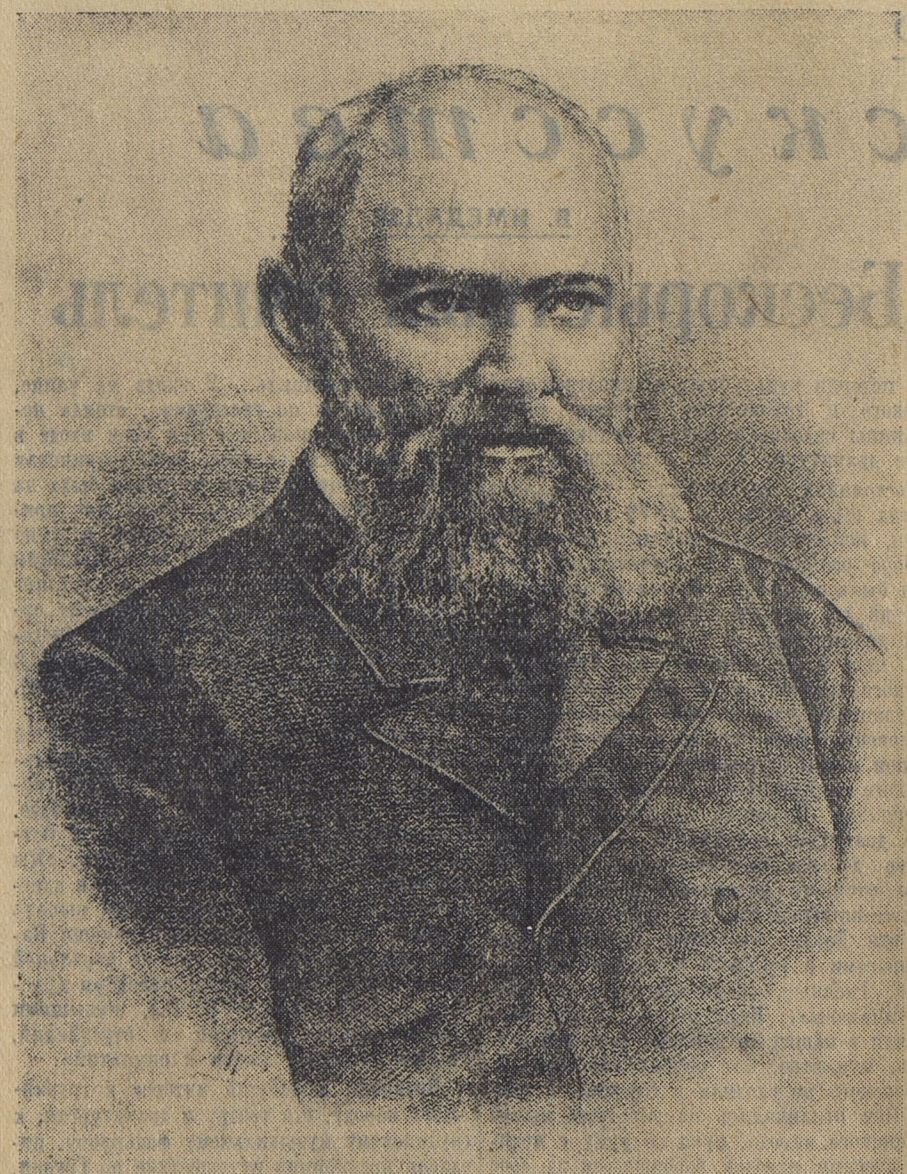
Ленинградский театральный музей и Государственная театральная библиотека имени Луначарского откроют к сессии выставку, посвященную жизни и творчеству Островского.

Научная сессия в Ленинграде

В Ленинграде (Наш корр.). 13 апреля в Научно-исследовательском институте театра и музыки в Ленинграде откроется сессия, посвященная 125-летию со дня рождения А. Н. Островского. На сессии будут заслушаны доклады о мировом значении творчества Островского, о поста-

новках его пьес на революционной сцене и на сцене советских театров, об образе положительного героя в драматургии Островского, о роли фольклора в его творчестве и другие.

В работах сессии, которая продлится пять дней, примут участие московские и ленинградские литературоведы, театральные деятели.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Великий драматург великого народа

12 апреля советская страна торжественно отмечает знаменательную дату в истории родного искусства — 125-летие со дня рождения корифея русской драматургии Александра Николаевича Островского.

В мировой литературе прошлого века Островский — явление исключительное, монументальное: его могучий и щедрый талант — яркое свидетельство гениальной даровитости великого народа. За пятнадцать лет до появления первой пьесы Островского В. Г. Белинский, глубоко понимавший идейную, воспитательную роль театра, как искусства подлинно массового, народного, восклицал:

«...Как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, Русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могущественной фантазии, видеть биешие пульсы ее могучей жизни...»

Фонизий, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Островский — создатели русского национального театра.

Доля, внесенная Островским, поистине громадна. Он создал около пятидесяти пьес, составивших художественную энциклопедию быта и нравов эпохи с ее положительными и отрицательными сторонами. Рассматривая его творчество в целом, нельзя не поражаешься мощи его таланта, патристической целеустремленности его творческого пути, благородству мысли. Неуклонно углублялось и расширялось идейное содержание его драматургии. Отдельные колебания в начале пути — сближение со славянофилами — были серьезны, но кратковременны и не могут заслонить для нас величие его творческого подвига. Островский не был революционером-демократом, но именно в гениальных статьях Добролюбова он нашел истолкование своего творчества, благодарно принял это мудрое истолкование, как единственно правильное, и до конца дней оставался верным спутником Некрасова и Щедрина. Он ревностно сражался рядом с Некрасовым и Щедриным против буржуазно-либерального лагеря оружием своего искусства, одновременно обличительного и полного веры в силы народа. Драматург считал первейшей обязанностью каждого честного писателя, даже если он не может создать идеалы нового, «разрушать идеалы прошлого», потому что «когда старый идеал износится, тогда он начинает, прежде всего, противоречить всему жизненному строю...»

Этому принципу Островский оставался верен до конца своих дней, бичуя, вымывая, разрушая идеалы старого «темного царства» современной ему России во имя освобождения народа от ига собственнического мира, враждебного человеку и человечности. Он создал целую галерею образов представителей этого мира из самых различных социальных кругов — от невежественных самодуров Дикого и Кабанюхи до «культурных» моральных разгильдяев и хищников типа Купрова, Прибыткова, Беркутова. Со всей мощью художника-реалиста Островский показал необузданный произвол власти имущих, развращающую власть денежного мешка, власть, порождающую и аморальных Глуховых и заведенных, бессильных Тихонов и Борщов.

Мрачной галерее хозяев, слуг и рабов денег Островский противопоставил целый мир светлых образов, гордых и горячих сердец, как Катерина, Параша, Мелузов, Кулигин, прославив борьбу волеизъявляющей личности с мертвящими устоями прошлого. В этих образах со всей силой сказались патристическая вера великого драматурга в потенциальную силу родного народа.

Островский хотел быть народным писателем и стремился «сойтись покороче с народом, еродниться» с ним. Он добросовестно изучал эпоху и типы; и в купеческой штабеле Замоскворечья, и работая в суде, и путешествуя по Волге. Он пытался заглянуть в прошлое родины, о чем свидетельствуют его исторические драмы. Островского привлекали широкие массовые

движения народа, он искал в прошлом те черты национального характера, которым надлежало развиваться в будущем. Поэт истинно народный, он глубоко постиг народную стихию во всех ее проявлениях: в чинах и дерзаниях, в чистоте нравственности, в любви к красоте, в совершенстве народного слова. Народ был его единственной любовью, и драматург мог бы сказать о себе словами своего героя Козьмы Минаева:

Мое одно — одна любовь святая

К родной стране, — я сын ее,

Сынвечно горит душа моя!

Услышал я, что кровью и слезами

Исходит Русь

. Любовь моя хотела

Увидеть Русь великою, богатой,

Цветущею привольем на свободе...

Горячий патристизм Островского со всю силу сказан в том чисто русском упорстве, с каким он осуществлял дело всей своей жизни — утверждение на русской сцене нужного народу театра.

Островский утверждал национальную самобытность русской драматургии; как и талант драматурга, он все свои способности руководителя и организатора отдал борьбе с рутинной и консерватизмом казенной театральщины, с пошлостью буржуазных вкусов, с засильем на русской сцене второсортного иностранного репертуара.

Великий русский художник, он обогащал мировую драматургию не только огромным количеством новых образов, но и неведомым до него умением сочетать реалистически верное и точное воспроизведение социальных отношений и быта с глубоким и осознанным демократизмом, умением раскрыть в движении характер простого человека. «Чародей слова», как называл его Горький, Островский владел непревзойденным и поныне искусством создавать словом, репликой психологическую характеристику образа. Он был великолепен мастером сюжетной композиции, отражающей реальные противоречия повседневной жизни.

По пути, указанному Островским, развивалась русская драматургия; его творчество оказало плодотворное влияние и на развитие национального драматического искусства Украины, Грузии, Армении, Азербайджана.

После Великой Октябрьской социалистической революции полностью осуществилась мечта великого драматурга о народном театре. Непрестанно продолжается триумфальное шествие Островского по советской сцене, слова его звучат почти на всех языках, советских народов и во всех краях необитой советской земли. До трехсот постановок его пьес показывают сейчас советские театры зрителю, радио доносит его слова до миллионов слушателей, его герои оживают на киноэкранах.

Советский зритель смотрит пьесы Островского не только как исторические картины прошлого; ему близка и понятна та неустанная и героическая борьба молодых сил со старыми отживающими силами темного прошлого, которая составляет внутреннее содержание пьес Островского.

Лучшие традиции творчества великого драматурга, произведения которого так метко называл Добролюбов «пьесами жизни», сохраняются и развиваются советской драматургией. Задача советских писателей неизмеримо значительнее, чем разрешавшаяся когда-то Островским задача разрушения старых идеалов. От советских драматургов требуется утверждение новых идеалов на основе сегодняшней советской жизни. На этом трудном пути лишь тот одерживает победы, кто осмыслил все значение творческого опыта великого русского национального драматурга.

И как бы ни изменялось содержание жизни, как бы ни возвысилась над собственническими страстями прошлого душа нового человека, имя Островского — создателя русского театра — навсегда останется славою и гордостью народа, как имя друга и соратника в борьбе со злом старого мира.